

§5 ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Бесков А.А.

ДЕГРАДАЦИЯ МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

***Аннотация.** Предметом исследования являются процессы, характеризующие изменения специфики массового исторического сознания российского общества. В статье рассматриваются недавние государственные инициативы в области исторического образования и отмечаемые социологами изменения в структуре и содержании исторической памяти россиян. Анализируются различия между спецификой массового исторического сознания россиян в советский и постсоветский периоды, рассматриваются процессы, которые привели к появлению этих различий. Особое внимание автор уделяет формулированию конкретных практических рекомендаций, реализация которых позволит сделать наше массовое историческое сознание саморегулирующейся системой и уберечь россиян от новых резких социально-политических потрясений. Одной из методологических предпосылок исследования стала концепция Яна Ассмана о двух разновидностях коллективной памяти: коммуникативной и культурной. Второй – понимание специфики исторического познания с позиций конструктивного реализма (феноменологического конструктивизма). Новизна исследования заключается в том, что хотя в современной российской научной периодике часто затрагивается тема массового исторического сознания россиян и высказываются призывы к его очищению от искажённых представлений о прошлом, мало внимания уделяется вопросам, почему эти представления искажаются, и как этому процессу можно противодействовать. По мнению автора, это связано с недостаточным вниманием исследователей к взаимосвязям между функционированием массового исторического сознания и проблемами отечественной исторической науки и исторического*

образования. Рассмотрение заявленной темы в данном контексте показало, что в постсоветский период массовое историческое сознание россиян перестало эволюционировать и сейчас не соответствует уровню развития исторической науки. Его деградация заключается не в том, что россияне стали хуже знать историю – обосновывается мнение, что такие оценки лишены смысла, а в том, что их знания о прошлом стали менее научными. Это делает массовое историческое сознание более уязвимым и ослабляет возможность общества сопротивляться целенаправленным негативным информационным воздействиям, опасность которых в эпоху глобальных информационных войн всё возрастает. Точечные административные меры по коррекции массового исторического сознания, принимаемые российскими властями, представляются малоэффективными. Вместо этого требуется создать комплексный механизм его саморегуляции.

Ключевые слова: фальсификация истории, историческое образование, войны памяти, коллективная память, историческая наука, массовое историческое сознание, национальная безопасность, псевдоистория, позитивизм, цифровая дипломатия.

Abstract. The subject of this research is the processes, which characterize changes of the specificity of mass historical consciousness of the Russian society. The recent government initiatives in the area of historical education, as well as the noted by sociologists changes in the structure and content of the historical memory of the Russian people, are being examined during the course of this work. The author analyzes the differences between the specificity of the mass historical consciousness of Russian during the Soviet and post-Soviet time, as well as the processes which led to the emergence of such differences. Special attention is given to the formulation of the concrete practical recommendations, the realization of which will allow turning our mass historical consciousness into a self-regulating system and prevent Russians from the new drastic sociopolitical disturbances. One of the methodological prerequisites for this research became Jan Assmann's concept about the two varieties of collective memory: communicative and cultural. The scientific novelty consists in the fact that although within the Russian scientific periodicals the topic of mass historical consciousness is being touched upon quite often, and the appeals towards its purification from the corrupted ideas of the past, very little attention is given to the questions why these ideas are being corrupted, and how this process can be counteracted. In the author's opinion, this is because of insufficient attention of the researchers towards the interconnection between the functioning of mass historical consciousness and the issues of the Russian historical science and historical education. This article demonstrates that during the post-Soviet period, mass historical consciousness stopped progressing, thus it currently does not meet the level of development of the historical science. Its degradation is substantiated by the fact that the knowledge of the historical past became less scientific, rather than the fact that Russians know less about the history. It makes the mass historical consciousness more vulnerable and subjects the society to the targeted negative information influence, the danger of which increases in the era of global information warfare.

Key words: historical consciousness, history, collective memory, memory wars, historical education, falsification of history, national security, pseudohistory, positivism, digital diplomacy.

Происходящие сейчас драматичные события на Украине заставляют нас всё яснее осознавать, какой разрушительной силой могут обладать различные трактовки прошлого. И хотя ещё до этих событий в российской научной периодике появлялись тревожные

статьи об опасности, которую представляет для нашей страны злонамеренное и целенаправленное искажение истории [см., напр. 10, 17], лишь теперь стало предельно понятно, что интерпретации истории – это мощное оружие, а информационные войны для государства едва ли не опа-

снее, чем традиционные. Поэтому актуальность исследований в области массового исторического сознания вполне очевидна и не удивительно, что в последние годы в отечественной научной периодике наблюдается всплеск интереса к подобной тематике. Её разрабатывают многие авторы, среди которых и политологи, и социологи, и философы, и педагоги. Историографический обзор подобных работ и их методологический анализ сам по себе является интересной темой для исследования, но сейчас он слишком далеко увёл бы нас от основной темы статьи. Однако можно выделить два основных типа таких публикаций: философские спекуляции на тему сущности исторического сознания, и интерпретация социологических опросов, фиксирующих знание людьми той или иной исторической информации и их отношение к ней. Не умаляя значения ни того, ни другого, автор данной статьи намерен пойти иным путём – рассмотреть характеристики массового исторического сознания россиян в функциональном отношении безотносительно к его содержанию, с тем, чтобы попытаться понять, позитивное или негативное влияние оно оказывает на обеспечение социальной стабильности общества. Иначе говоря, автора интересует вопрос – обладает ли наше историческое сознание способностью к саморегулированию и насколько оно способно противостоять целенаправленному манипулированию (неважно, с чьей стороны). При этом автор попытается избежать крена в сторону бесплодного теоретизирования и сформулировать ряд практических рекомендаций, которые могут лечь в основу государственной политики в этой сфере. Разумеется, эти предложения нуждаются в дальнейшей детализации и конструктивной критике, поэтому данную статью следует рассматривать как приглашение к широкой общественной и научной дискуссии.

Общим местом публикаций, посвящённых изучению исторического сознания россиян, являются призывы к его очищению от искажённых представлений о прошлом. Таким образом, в научном сообществе наблюдается консенсус в понимании того, что наше массовое историческое сознание деградирует и этот процесс опасен для государства и общества. Под деградацией обычно понимается вытеснение из коллективной

памяти тех или иных воспоминаний (например, о Великой Отечественной войне) или широкое распространение и закрепление в сознании людей какой-либо недостоверной информации о прошлом. К сожалению, работам такого характера присущи два типичных недостатка: недостаточно чётко раскрываются процессы, приводящие к этой деградации, и не указывается, как им противодействовать. Примеров можно было бы приводить много, но ограничимся одним из последних. Молодой историк О. С. Горкунова в своей статье приходит к выводу, что «Именно всплеск политизации и идеологизации является характерной чертой современного исторического сознания. На данном, переходном, этапе развития нашей страны политизация исторического сознания несёт в себе исключительно негативный заряд, выступая в виде мифотворчества, извращения, фальсификации прошлого» [7, с. 68]. Возникают сразу два вопроса: на каком этапе и в каком обществе идеологизация не являлась характерной чертой исторического сознания, и на каком именно этапе развития политизация истории должна оцениваться положительно? В следующем предложении автор предлагает бороться с описанными негативными явлениями путём формирования исторического сознания на научной основе. С этим вполне можно согласиться, но на этом статья заканчивается, и вновь возникают вопросы – а разве сейчас историческое сознание формируется государством не на научной основе? Разве учебники пишут не доктор исторических наук и академики? Почему же этот рецепт не помогает?

Кроме того, большинство авторов совершают одну и ту же привычную, и потому мало заметную методологическую ошибку, которая, однако, чревата серьёзными побочными эффектами: рассуждая о тех или иных заблуждениях, присущих массовому историческому сознанию россиян, авторы имплицитно приписывают себе некое высшее знание истории, обладание исторической истиной, которое и позволяет им выявлять эти заблуждения. На этот счёт очень удачно высказалась Н. А. Колодий: «вместо того, чтобы обсудить как «работает» историческая память, режимы памяти; проблему того, каково в ней соотношение между индивидуальным и социаль-

ным опытом, между реальным и воображаемым, между плотным описанием событий и фантазией, историей и мифом, мы предъявляем счёт вспоминающим» [18, с. 240–241]. Иначе говоря, многими исследователями неявно предполагается существование некой эталонной версии истории, с которой сравниваются представления россиян о прошлом. Однако данный подход требует, как минимум, глубокого историсофского обоснования самой возможности существования такой версии, чего мы не найдём ни в одной работе подобного рода. Многие авторы, по-видимому, не осознают, что если даже они помнят содержание учебников истории лучше, чем среднестатистический россиянин, это не означает, что они знают историю лучше него. Ниже будет показано, что с позиции современной исторической науки знание истории – не более чем фикция. Историю нельзя знать, её можно лишь изучать. Рассказать об этом свои учёным собратьям могли бы профессиональные историки, но голос их слаб, как и само профессиональное историческое сообщество в России. Нечастые попытки профессиональных (по крайней мере, обладающих научными степенями) историков внести свою лепту в обсуждение темы российского исторического сознания иногда приводят к неприятным конфузам. Так, в недавней статье ижевских историков [22], посвящённой историческому сознанию молодёжи, значительная часть текста дословно повторяет текст статьи философов из Новочеркасска [26], причём последняя даже не упоминается в списке использованной литературы. Это симптоматично, поскольку деградация научной этики является дополнительным фактором, провоцирующим деградацию массового исторического сознания, о чём ещё будет упомянуто ниже. В результате тема массового исторического сознания рассматривается в отрыве от тех процессов и тенденций, которые характерны для современной исторической науки и исторического образования. Как следствие, теряется сама суть происходящего. Данная статья призвана исправить этот изъян.

Вначале зададимся вопросом, каковы основные источники формирования массового исторического сознания? Прежде всего – это государственный заказ. Любое государство це-

ленаправленно воздействует на историческое сознание своих граждан. Но не стоит переоценивать роль государства в этом процессе в современной России, всё ещё ищущей свою национальную идею. Как верно отмечают московские социологи Е. П. Тавокин и И. А. Табатадзе: «Мозаичность, разобщённость современного российского общества, обусловленные снятием государством с себя этических, скрепляющих функций и ... отсутствием ... осмысленной объединительной идеи, почти полярное различие социально-групповых интересов накладывают существенный отпечаток на содержание исторической памяти в различных социальных группах, делая её внутренне противоречивой» [29, с. 64]. (В этом отношении Россия сильно отличается от некоторых стран СНГ, например, той же Украины, где в школьных учебниках чётко расставлены акценты – кто плохой, а кто хороший [23, 32].) Постсоветский период в истории России по-своему уникален, так как, пожалуй, впервые государство перестало внятно формулировать интенциональный запрос на формирование массового исторического сознания, фиксирующийся уже со времени создания первых летописей. Вряд ли стоит преувеличивать и роль целенаправленных воздействий на историческое сознание россиян со стороны каких-то внешних сил, например, посредством учебников, создание которых оплачено иностранными фондами. Да, сейчас мы сталкиваемся с массивной антироссийской пропагандой, основанной во многом именно на реинтерпретации различных исторических событий. Но такого накала она достигла недавно в связи с событиями на Украине, а массовое историческое сознание формируется непрерывно на протяжении жизни поколений. В итоге можно констатировать, что после распада Советского Союза историческое сознание россиян складывалось преимущественно стихийно. Следовательно, чтобы уяснить направленность этого процесса, нужно проследить, каким было историческое сознание людей на излёте советской эпохи и какие факторы стали оказывать на него влияние в позднейший период.

Историческое сознание советских граждан отличалось компактностью, монолитностью и научностью. Собственно советская история на-

считывала всего лишь несколько десятилетий, а предыдущая история осмыслялась как пролог к ней. Вся советская история укладывалась в рамки памяти живших тогда поколений, и разные пласты этой памяти постоянно актуализировались государством. Вместе с тем определённые воспоминания эффективно вытеснялись из памяти, не только на государственном, но и на индивидуальном или семейном уровне. Каждый член общества осознавал, что следует помнить, а что нужно забыть, и содержимое его памяти являлось опознавательным знаком в системе координат «свой – чужой». Безусловно, это способствовало консолидации общества, необходимой в условиях перманентной конфронтации с Западом.

Дополнительную целостность советскому историческому сознанию придавали характерные для него системность и научность, определявшиеся господствовавшей марксистской парадигмой. Как бы сейчас мы к ней не относились, но она имела внутреннюю стройность и надёжно оберегала общество от популярных ныне «альтернативных», часто фантастических или мистических трактовок прошлого. Исторический процесс представлялся осмысленным и логичным, историческое познание – научным и объективным. Советская историческая наука органично переплеталась с советской философией и советской идеологией. Проблемы восприятия обществом истории фактически не было. При этом наблюдался любопытный методологический парадокс: советская марксистская философия науки отвергала позитивизм как буржуазное направление философской мысли, но советская историческая наука фактически выросла из российской позитивистской историографии XIX в., что отмечалось рядом отечественных историков [3, с. 580; 9, с. 432–434, 440–441; 15, с. 51, 159]. Преобладало позитивистское понимание роли историка – он должен найти историческую истину (существование которой не ставилось под сомнение) по тем следам, которые оставили после себя исторические события. Историческая истина (исторический факт) – это «то, что было». Не удивительно поэтому, что вслед за советской исторической наукой советский гражданин исходил из представления об историческом факте и его интерпретации как о чём-то элементарном.

Но уже в советскую эпоху в нашу историческую науку стали проникать идеи, созвучные тем, что ещё в 1930–1950-е гг. сформулировали французские историки так называемой школы «Анналов». Один из её основателей – Люсьен Февр – высказался вполне определённо: сами собой факты в руки не даются – они реконструируются историком, а всякая история есть выбор между различными вариантами реконструкции [31, с. 14]. Мысль о том, что исторический факт – это не просто «данность», а продукт реконструирования событий прошлого историком, часто встречала неприятие со стороны видных советских учёных [8, с. 107]. Но постепенно взгляды учёного сообщества на эту проблему эволюционировали, и сейчас среди историков всё большее признание завоевывает точка зрения, согласно которой любое историческое знание есть реконструкция, соответствующая исторической действительности лишь в какой-то степени [21]. Вес этой реконструкции придают не конкретные иллюстрирующие её факты (с помощью искусного подбора одних, и игнорирования других фактов можно «доказать» всё, что угодно), а научная обоснованность методики её создания. Вместе с тем, в среде историков распространяются взгляды, согласно которым следует отказаться от идеи поиска прямых причинно-следственных связей между историческими событиями, так как при анализе множества факторов, приводящих к тому или иному развитию событий, невозможно строго доказательно выделить главные из них [20]. Безусловно, подобные методологические посылки значительно усложняют представление об историческом процессе и, главное, о путях его познания. Можно предположить, что в «самой читающей стране мира» подобные взгляды постепенно могли быть интериоризированы массовым историческим сознанием, но этому помешало крушение СССР и последующая кардинальная трансформация системы общественных отношений. Советская история стала лишь эпизодом мировой истории, советская историческая наука была скомпрометирована и объявлена служанкой идеологии, историки лишились эксклюзивного права на занятие историей, а вместе с тем и общепринятой методологии исследования. Какое-то время отечественные историки пре-

бывали в надежде, что они овладеют передовой западной методологией и кризис отечественной исторической науки будет преодолён, но оказалось, что и на Западе в конце прошлого века история «распалась на кусочки» и «уверенность в познаваемости прошлого сменилась эпистемологическим пессимизмом» [19, с. 120]. Более того, распад СССР породил знаменитую концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы и лишь усугубил методологическую сумятицу в мировой историографии.

В России этот методологический вакуум усугублялся и прочими факторами. Устранение цензуры и издательской монополии государства, на фоне коммерциализации издательского дела, почти уничтожили жанр научно-популярной литературы, служивший в советские времена медиатором между наукой и обществом, и заменили его новым, дотоле совершенно неизвестным читателю – псевдонаучным. Среднестатистический россиянин, не имеющий особых успехов по предмету «история» (согласно соцопросу ФОМа от 2 июня 2013 г. 69% россиян оценивают свои исторические познания не более чем «на троечку»), ныне постоянно сталкивается с многочисленными псевдоисторическими сенсациями, расшатывающими представления о прошлом, основанные на школьной программе. Но и школьная программа не формирует больше цельного взгляда на историю. Из учебников исчезло общее концептуальное направление, ослаб и государственный контроль их содержания. Одна и та же тема в различных пособиях может подаваться столь различным образом, что элементарное сличение текстов различных учебников способно натолкнуть на мысль о некомпетентности или тенденциозности их авторов [4]. Но если для специалиста, понимающего относительность исторической истины и гипотетичность исторических реконструкций, существование различных точек зрения на одну и ту же проблему представляется нормой, то общество оказалось не готово к появлению множества конкурирующих друг с другом взглядов на прошлое. Оно осталось на позициях исторического позитивизма, считая, что возможна лишь одна верная картина прошлого. Соответственно, те, кто её не разделяют, в лучшем случае ошибаются, в худшем – «переписывают историю». Отсюда та-

кое ожесточение в исторических спорах: тот, кто имеет отличную от нашей точку зрения – либо невежда, либо враг. Выражение «бои за историю», ставшее известным благодаря названию книги Л. Февра, перестало восприниматься как метафора. Деградикация массового исторического сознания заключается не в том, что россияне стали хуже знать историю – при понимании относительности исторической истины такие оценки лишены смысла, а в том, что коллективные представления о прошлом перестали соответствовать современному уровню развития исторической науки. Появился разрыв между желанием общества получать простые ответы на сложные вопросы о прошлом и нарастающим сомнением историков в своей способности их дать.

В подобной ситуации функции историков берут на себя представители других отраслей знания. В нашей стране это, прежде всего, математики и физики: А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский, А. И. Барашков (А. И. Асов, Бус Кресень), В. А. Чудинов, известные своими многочисленными псевдоисторическими сочинениями. Парадоксально и печально, но все они выпускники или преподаватели МГУ. Идеи об ошибочности общепризнанных датировок событий мировой истории и их локализация в МГУ имеет свою предысторию [33]. Нарастающая узкая специализация знания, приводящая к ироничному разделению наук на естественные и противоестественные, общественные и антиобщественные, стала причиной того, что учёные разных специальностей перестали понимать друг друга. К творчеству перечисленных авторов и прочих представителей жанра «альтернативной истории» в среде историков принято относиться с иронией. Но не может не тревожить та лёгкость, с которой многие наши соотечественники усваивают антинаучные измышления на историческую тему. Конечно, с лженаучными теориями мы сталкиваемся не только в этой сфере – ещё с 1990-х гг. в нашей стране наблюдается всплеск интереса к нетрадиционной медицине, астрологии, различным эзотерическим учениям. Но «нетрадиционная история», т. е. ненаучные трактовки прошлого, ещё опаснее, так как «они калечат сознание людей, лишая их понимания прошлого своей страны и мира, они подрывают

доверие к науке вообще» [14, с. 113]. Читательский спрос на такие книги говорит о слабом иммунитете нашего коллективного исторического сознания, о возможности лёгкого внедрения в него любых, самых неожиданных трактовок прошлого. Поэтому нет никаких оснований для самоуспокоенности, что в России невозможны повторение чудовищного украинского эксперимента по тотальному пересмотру своего прошлого или реализация иного, основанного на историческом ревизионизме, сценария, способного свергнуть страну в смуту.

Впрочем, вряд ли можно говорить, что книги такого рода формируют историческое сознание россиян. Они лишь расшатывают его, дискредитируя историческую науку и создавая у читателей впечатление, что для занятий историей не требуется никакой специфической подготовки. По-прежнему основной источник знаний – это школьные учебники, но очень сильное воздействие оказывают также кинофильмы, телепередачи, художественная литература [5, с. 14], от которых нелепо ожидать опоры на сугубо научные данные. В последние годы важнейшим фактором формирования массового исторического сознания становится интернет-пространство, в котором стирается грань между научным и ненаучным знанием [11]. Учитывая важнейшую роль интернет-коммуникаций в организации «цветных революций» [25], а также накал информационной войны, ведущейся сейчас в сети, и постоянные апелляции участников этих баталий к фактам истории, которые подкрепляются в лучшем случае ссылками на онлайн-источники сомнительной достоверности, государству и обществу требуется обратить самое пристальное внимание на проблемы, связанные с циркуляцией псевдоисторической информации в киберпространстве.

Может ли профессиональное историческое сообщество противостоять этим угрозам? К сожалению, поводов для оптимизма нет.

В конце 2012 г. научную общественность России потряс скандал вокруг диссертационного совета по отечественной истории при МПГУ. Оказалось, что в нём регулярно защищались кандидатские и докторские диссертации, не соответствующие высоким требованиям, предъявляемым к таким работам. Стало ясно, что научные

степени и списки публикаций не являются ныне показателем действительных заслуг учёного перед наукой. Российский истеблишмент, состоящий во многом из кандидатов и докторов наук, уже давно девальвировал статус отечественных научных степеней и званий, по крайней мере тех, которые присуждаются в сфере социогуманитарных наук. Определить, кто является квалифицированным специалистом, а кто лишь приписывает себе наличие профильного образования и учёной степени, сейчас крайне затруднительно.

Типичной стала ситуация, когда в СМИ комментарии на исторические темы дают не учёные-историки, а некие эксперты, чьи научные заслуги сомнительны, либо вовсе не имеющие высшего исторического или хотя бы гуманитарного образования люди. Особое беспокойство доставляет проникновение таких «специалистов» в органы власти и общественно-политические структуры. Остаётся лишь догадываться, в какой степени они влияют на внутреннюю и внешнюю политику нашей страны.

Но было бы большим упрощением противопоставлять самодеятельных историков историкам профессиональным. Зачастую профессионализм последних также оставляет желать лучшего. Основная масса российских историков, обладающих научными степенями – это провинциальные вузовские преподаватели истории. Как справедливо замечает историк В. А. Бердинских: «Значительная часть остепенённых преподавателей вузов после защиты диссертаций живут какое-то время старыми накоплениями, имитируя научную работу, и быстро деградируют в научном плане, отставая от современного уровня науки» [3, с. 24]. Большой объём преподавательской нагрузки и невысокая зарплата, побуждающая искать дополнительные источники дохода, отсутствие мотивации к продолжению научной деятельности никак не способствуют их интенсивной исследовательской или научно-популяризаторской деятельности. Эта ситуация объективно снижает качество подготовки новых поколений историков, что, в свою очередь, сказывается на общем уровне исторической науки и, следовательно, массового исторического сознания в России. Масштаб этой проблемы очень сложно оценить, поскольку мало найдётся людей, имеющих мужество честно при-

знаться в своей низкой профессиональной квалификации. Ясно лишь, что проблема эта очень серьёзна и нуждается в тщательном и беспристрастном рассмотрении.

Итак, профессиональное историческое общество в России слабо и не может эффективно противодействовать вульгаризации исторического сознания россиян. Но дело не только в малой численности и низкой просветительской активности высокопрофессиональных историков. Есть ещё одна проблема: опровержение псевдоисторических фантазий никогда не будет поспевать за их возникновением. В книгах дилетантов зачастую может быть подвержена критике каждая строчка, а опровержение таких фантазий гораздо более трудоёмкий процесс, чем их создание. Но и это в значительной степени теряет смысл, если общество утрачивает навыки восприятия научных работ: «даже идеально написанное историком исследование ... поддаётся интерпретации, над которой он уже не властен. Поэтому дело заключается ... в общественном климате, влияющем на восприятие и использование научных знаний» [34, с. 111]. Противодействие псевдоистории требует иных методов.

Кажется, что в последнее время государство действительно решило действовать иначе. В 2012 г. была тихо упразднена «Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», созданная в 2009 г. Мотивы упразднения не ясны, но, видимо, её работа не была эффективной. Зато уже через год В. В. Путин озвучил громкую инициативу по созданию так называемого единого учебника истории.

Прошло общественное обсуждение историко-культурного стандарта преподавания отечественной истории и основанной на нём концепции единого учебника истории. Параллельно с этим прошло (хотя и менее заметно) общественное обсуждение проекта концепции поддержки развития педагогического образования. Отрадно, что государство обратило пристальное внимание на эти вопросы. Но стоит отметить некоторые принципиальные моменты, которые могут быть упущены из виду государством и обществом.

Новый стандарт декларирует необходимость отойти от сложившейся в предыдущие

десятилетия практики преподавания с упором на политическую историю и расширить объём изучаемой информации о культуре и религии, истории повседневности, сделать обучение более интересным, вырабатывать у учащихся оценочное отношение к историческим событиям и фактам. Но непонятно, за счёт чего это будет сделано – стандарт содержит огромное количество дат и персоналий, большая часть из которых забывается даже выпускниками исторических факультетов вскоре после сдачи госэкзаменов. За красивыми формулировками не видно, чем *существенно* новый стандарт будет отличаться от прежнего. Похоже, что расширение знаний учеников о культуре и религии будет сводиться лишь к заучиванию расширенного перечня фамилий и дат. Образовательным идеалом по-прежнему имплицитно понимается ученик – ходячая историческая энциклопедия, способный без запинки ответить, когда была битва на Калке, каковы годы княжения в Киеве Мстислава Великого и кто такой Евфимий II. Но не слишком ли мы перегружаем память школьников и студентов второстепенными деталями, упуская из виду более важные задачи? Педагоги отмечают, что сейчас требуется не расширять объём сведений в рамках школьной программы, а учить критически оценивать информацию [27, с. 96]. Современная жизнь настоятельно диктует необходимость ещё в школе узнать о некоторых базовых принципах построения исторической науки в частности, и о критериях научности вообще. Фактически, в школу должны проникнуть некоторые элементы подготовки специалистов-историков (разумеется, адаптированные к возрастным особенностям учащихся). Проблема в том, кто сможет эти элементы внедрить.

Современное российское высшее педагогическое образование подвергается критике за несоответствие тенденциям и потребностям сегодняшнего дня. Предлагается резкое увеличение доли педпрактики в рамках педагогического бакалавриата за счёт снижения доли теоретического обучения. В некоторой степени это оправданно, но к чему это может привести на практике? По собственному опыту я знаю, что на исторических факультетах педвузов и ранее

не слишком большое значение придавалось изучению вспомогательных исторических дисциплин, философии истории, источниковедения. Предполагалось, что учителю истории это очень нужно, так как не востребовано в школе. В случае перевода педагогического образования на новые рельсы уровень подготовки учителей истории по этим направлениям ещё более снизится, что повлечёт за собой дальнейшую вулгаризацию массового исторического сознания и объективно усложнит задачу единения российской нации, решением которой сейчас озабочено наше государство.

Так что же можно предпринять для противодействия этим негативным тенденциям? Противодействие фальсификации истории путём опубликования опровержения наиболее одиозных псевдоисторических сенсаций малоэффективно – в этом случае наука всегда будет на шаг позади псевдонауки. Изменение школьных программ за счёт расширения объёма преподаваемого материала наталкивается на объективные пределы психофизиологической выносливости детей. Борьба за «правильное» понимание прошлого нелепа, как с научной точки зрения, так и с политической – во-первых, нет никакого исторического эталона, по которому мы могли бы измерять правильность понимания прошлого, во-вторых, мы знаем, как легко недавние исторические догмы объявляются новой политической элитой вредоносными заблуждениями. Недавние дополнения в УК и КоАП РФ, направленные против «реабилитации нацизма» (Федеральный закон № 128 от 5 мая 2014 г.), вряд ли можно назвать эффективной мерой противодействия этому процессу, так как любой закон можно обойти или отменить. Мы не можем знать, какие политические силы будут через какое-то время формировать наше коллективное историческое сознание. Но мы можем позаботиться о том, чтобы при любых политических изменениях оно сохраняло преемственность поколений, опиралось на актуальные научные данные и обладало способностью к саморегуляции. Это позволит уберечь наше общество от резких идеологических и социально-политических сдвигов, способных дестабилизировать обстановку в стране по украинскому сценарию, когда отношение к прошлому и основанные на нём оценки

настоящего и будущего приводят к гражданской войне. Прежде чем перейти к перечислению конкретных мер, направленных на достижение подобного результата, следует познакомить читателя ещё с некоторыми соображениями теоретического характера.

Подавляющая часть всех рассуждений о фальсификации истории в российском общественно-политическом дискурсе последних лет связана именно с событиями и последствиями Великой Отечественной войны. Но констатируя факты снижения общественного интереса к теме ВОВ, вымывания воспоминаний о ней из национальной памяти и прежде всего из памяти молодёжи, мало кто задаётся вопросом о причинах этого. Однако ответ на этот вопрос может стать одним из ключей к пониманию тех процессов, которые происходят с нашим историческим сознанием.

Прошло 70 лет с момента окончания войны. Воспоминания о ней в памяти новых поколений россиян всё больше тускнеют. Динамику этого процесса демонстрируют социологические исследования [2]. Почему это происходит, ведь государство, как мы можем видеть, прилагает заметные усилия для актуализации коллективной памяти россиян о войне? Чтобы ответить на этот вопрос, следует заметить, что в современной теории культуры и философии истории используются такие понятия, как коммуникативная и культурная память, понимаемые как две разновидности коллективной памяти [1]. Первая из них охватывает воспоминания о недавнем прошлом, это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. И хотя некоторые помнят лучше и больше, здесь нет экспертов – знание о недавнем прошлом разлито по всей популяции и каждый её представитель компетентен в этой сфере. Культурная память отличается от коммуникативной именно тем, что в ней знание о прошлом присуще не всем представителям общества, а представителям специальных институтов, уполномоченных обществом хранить знания о прошлом. Коммуникативная память естественным образом ограничена – в некотором приближении её рамки ограничены жизнью 3 поколений. Фактически, это не столько история, сколько современность, с присущей ей борьбой идей, суждений и оценок, поэтому

возможности историка в изучении и осмыслении этих событий крайне затруднены. Лишь когда события прошлого перестают быть фактами жизни конкретных живых или недавно ушедших из жизни людей, они становятся историческими фактами и становятся возможным научное, максимально беспристрастное их освоение носителями культурной памяти. Очевидно, что память о войне сейчас находится в состоянии перехода от одного этапа ко второму. Вместе с последними ветеранами уходит из нашей жизни живая (коммуникативная) память о войне. Поэтому, с одной стороны, воспоминания о войне всё ещё слишком субъективны и эмоциональны, а с другой стороны, они неуклонно вытесняются из коллективной памяти позднейшими событиями.

Из этого теоретического экскурса вытекают определённые выводы. Во-первых, бессмысленно упрекать иностранцев, как на личностном, так и на государственном уровне в том, что они пересматривают историю. Каждый народ помнит что-то своё и по-своему, принимать разное видение одних и тех же событий прошлого (например, видение борьбы советских партизан с немцами глазами российских и немецких историков [13, с. 51]) за попытки переписать историю наивно. Совершенно очевидно, что на уровне коммуникативной памяти мы никогда не придём к единому мнению о прошлом. Значит, существование различных национально окрашенных картин прошлого оправданно и *мы не должны отказываться от права на своё, национально и культурно обусловленное видение истории.*

Во-вторых, нужно уже сейчас принимать меры к тому, чтобы переход образа ВОВ из одного типа коллективной памяти в другую совершился приемлемым для нашего общества способом. Через какое-то время память о той войне будут хранить уже не все россияне, унаследовавшие её от отцов и дедов, но уполномоченные на то обществом люди: учёные, учителя, деятели культуры, общественные и политические деятели. Их восприятие событий той поры будет обусловлено не личными впечатлениями или рассказами очевидцев, а массой разнородных и часто противоречивых материалов, среди которых будут и художественные материалы, и установившиеся общественные стереотипы. Эти люди

сейчас либо ходят в школу, либо ещё не родились, но обществу уже пора подумать о том, кем, как, и насколько хорошо они будут подготовлены – парадоксально, но от того будущего, фундамент которого мы закладываем в настоящем, будет зависеть и наше прошлое.

Формировать здоровое научно ориентированное историческое сознание логично уже с детства. *Необходима коррекция программ школьного и вузовского курсов истории* – введение в образовательный процесс элементов исторического исследования, обучение его методологии и навыкам критики источников, среди которых немало фальшивок [30].

Пожалуй, *оптимальным средством приобретения навыков проведения исторического исследования следует признать изучение истории своей семьи.* Современность открывает перед нами широкие возможности для подобных исследований: от самостоятельного изучения семейных фотоальбомов и разговоров со старшими членами семьи до запросов в российские и иностранные архивы и проведения генетических исследований. Нехватка информации в семейных архивах неизбежно приведёт к потребности поиска дополнительных её источников, заставит сопоставлять информацию из разных источников и применять приёмы её верификации. Поэтому нужно культивировать в обществе интерес к занятиям генеалогией.

Ещё одной мерой укрепления иммунитета массового исторического сознания россиян должна стать всемерная поддержка государством жанра научно-популярной литературы. Важно не просто издавать эту литературу – важно делать её максимально доступной для граждан – то есть размещать в свободном доступе в сети «Интернет», для чего целесообразно было бы создать специализированный портал, который позволил бы, среди прочего, вести мониторинг общественного интереса к тем или иным вопросам истории и оперативно его удовлетворять.

Последней по упоминанию, но не по значимости мерой должно стать *создание Национального корпуса историков.* Он должен стать саморегулирующимся научным сообществом, на основе добровольного участия лиц, занимающихся исследовательской деятельностью в области истории,

и обладающих соответствующей квалификацией. Иначе говоря, это должен быть общенациональный клуб историков, коммуницирующих друг с другом и с общественностью на специально разработанной интернет-площадке. Прообразами такой площадки могут послужить известные научные социальные сети, такие как международные ResearchGate, Academia.edu и их российские аналоги SciPeople.ru, «Учёные России» и др. Ключевой особенностью новой социальной сети должен стать характер регистрации – только по наличию диплома по специальности «история» или учёной степени кандидата или доктора исторических наук. (Подобный профессиональный ценз не является чем-то уникальным, в качестве примера сетевого сообщества, использующего похожий фильтр, можно привести «Клуб практикующих врачей iVrach».) Члены сообщества смогут дискутировать на профессиональные темы, знакомить друг друга и всех желающих со своими научными работами, искать соавторов, рецензентов, научных руководителей и аспирантов. Всё это позволит поднять общий уровень исторических исследований в нашей стране, позволит обществу и государственным структурам определять перспективные направления исследований, упростит формирование научных коллективов и школ, будет содействовать повышению престижа российской исторической науки.

Важно отметить, что это сообщество не будет обладать монополией на историческую истину. Никто не может запретить человеку самостоятельно осмысливать историческое прошлое и пользоваться при этом всеми доступными ему источниками информации. Но общество должно обрести возможность прямого и удобного доступа к самым современным научным открытиям в этой сфере, возможность сравнения научного и ненаучного знания и выбора между ними.

Существование профессионального саморегулирующегося научного сообщества поможет оздоровить и российскую науку в целом. Открытость научного процесса не только благотворно скажется на восприятии исторической науки специалистами, но и позволит упрочить нормы профессиональной этики в среде специалистов-историков, на деградацию которых указывают многие авторы [3, с. 9; 24, с. 148–149; 32, с. 23],

а также пример, приведённый в начале этой статьи. Удивительно, но подавлявшаяся идеологическим прессом научная принципиальность многих советских историков, о которой мы можем прочесть в мемуарах некоторых из них [6, 8], в наше менее опасное время кажется уже недостижимым моральным эталоном.

Неоценимая общественная функция этого сообщества может быть осуществлена путём создания современной исторической интернет-энциклопедии, основанной на принципах «Википедии», авторами которой будут лишь профессиональные историки. Её создание значительно повысит уровень соответствия массового исторического сознания россиян современному уровню развития исторической науки. Появление такого ресурса позволит российским историкам в большей степени влиять и на развитие мировой исторической науки и массового исторического сознания в других странах мира, так как, без сомнения, к этому источнику будут обращаться и зарубежные пользователи, особенно, если наиболее важные и часто просматриваемые страницы будут переведены на иностранные языки. (Пока же мы наблюдаем обратное – крен отечественной постсоветской гуманитаристики в сторону Запада [35], при котором мнение малоизвестного PhD из провинциального западного университета может восприниматься как более авторитетное, чем точка зрения отечественного специалиста.) Таким образом, подобный интернет-ресурс станет ещё и действенным инструментом российской «цифровой дипломатии», в сфере которой мы вынуждены конкурировать с ведущими странами Запада [16, 28], а также вкладом в обеспечение «цифрового суверенитета» [12] России.

Подведём итоги.

В условиях жёсткого информационного противоборства России и коалиции стран Запада, история является полем боевых действий. В этом отношении позиции России особенно уязвимы в силу того, что по ряду причин историческое сознание россиян длительное время деградировало. Можно говорить, что в современной России наряду с госсобственностью приватизирована и история. Осмысление прошлого перестало быть монополией государства или касты профессионалов. Каждый россиянин теперь вынужден

формировать своё уникальное понимание прошлого, опираясь на чрезвычайно разнообразный и противоречивый материал и обрабатывая его в меру своих индивидуальных аналитических способностей. Создающиеся в результате непохожие друг на друга картины прошлого объективно мешают консолидации нации и осознанию ею своих национальных интересов. Поскольку навязывание гражданам единой догматической картины прошлого в демократическом обществе невозможно, требуется поиск новых форм достижения консенсуса в этой сфере. Необходимо дать людям возможность черпать информацию

из общих для всех, максимально достоверных источников, научить их осмыслять её максимально объективно и в соответствии с современными принципами научности, что позволит в известной степени унифицировать множество уникальных личностных картин прошлого, объединив их в целостное национальное историческое сознание. Это позволит сделать наше массовое историческое сознание саморегулирующейся системой и уберечь россиян от новых резких социально-политических потрясений. Задачей государства должно стать формирование механизмов такой саморегуляции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Афанасьева А. И., Меркушин В. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 11–22.
3. Бердинских В. А. Ремесло историка в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. 608 с.
4. Бесков А. А. Проблема освещения темы восточнославянского язычества в школьном курсе истории // Преподавание истории в школе. – 2014. – № 8. – С. 9–15.
5. Бойков В. Э., Меркушин В. И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 5–22.
6. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чём они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. 216 с.
7. Горкунова О. С. Массовое историческое сознание россиян рубежа XX–XXI вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. – 2014. – №2 (139). – С. 64–70.
8. Гуревич А. Я. История историка. – М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
9. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор. – М.: РГГУ, 2005. 889 с. – С. 427–455.
10. Данилова М. И. Информационная война как реальность // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 3 (13). – С. 229–231.
11. Денисов Ю. П. Социальные сети русскоязычного интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. Доступ: <http://www.science-education.ru/pdf/2013/5/9922.pdf> (дата обращения: 04.04.2014).
12. Дубов Д. В. Кибермогущество как базис обеспечения «цифрового» суверенитета в современном мире: ключевые подходы // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 4. – С. 123–165.
13. Дубина В. С. Болезненная тема Второй мировой войны: память о сексуальном насилии по обе стороны фронта // Вестник российского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 17. – С. 47–56.
14. Ефремов Ю. Н. Календарь, хронология и лженаука // В защиту науки. Бюл. № 2. – М.: Наука. 2007. – С. 100–113.
15. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века: Учебное пособие. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. 208 с.
16. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. – 2013. – Т. 19. – № 1 (104). – С. 213–228.
17. Капто А. С. Фальсификация как оружие антиистории // Конфликтология. – 2012. – Т. 3. – С. 38–52.
18. Колодий Н. А. Лабиринт памяти – места памяти – война памяти: опыт истолкования // Вестник науки Сибири. Серия: Общественные науки. – 2013. – № 1 (7). – С. 240–245.

19. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.
20. Кром М. М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. / Г.Г. Ершова (отв. ред.). – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. – С. 41 – 53.
21. Лубский А. В. Фальсификация и фальсификационизм в историческом познании // Харківський історіографічний збірник. – 2012. – № 11. – С. 42–52.
22. Мерзлякова Г. В., Данышина С. А. Формирование исторического сознания студенческой молодёжи Среднего Поволжья на рубеже XX–XXI веков: междисциплинарный анализ // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 1. – С. 100–105.
23. Орлова И. Б. Этнозация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 126–135.
24. Посохов С. И. «Считаю для себя неприличным...»: этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи XIX – начала XX вв. // Харківський історіографічний збірник. – 2012. – № 11. – С. 131–151.
25. Станчик С. С. Роль интернета в современных переворотах // Национальная безопасность / nota bene. – 2012. – № 5. – С. 67–72.
26. Столяренко Л. Д., Столяренко В. Е., Фролов В. А. Историческое сознание российской молодёжи: особенности и противоречия // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 31–35.
27. Стрелова О. Ю. История в школе остаётся «полем битвы за прошлое», потому что «войны памяти» не утихают // Проблемы современного образования. – 2012. – № 6. – С. 83–98.
28. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 53–60.
29. Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 62–66.
30. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / под ред. А. Е. Петрова, В. А. Шнирельмана. – М.: ИА РАН, 2011. 382 с.
31. Февр Л. Бои за историю. – М.: Издательство «Наука», 1991. 530 с.
32. Чураков Д. О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 21–27.
33. Шмидт С. О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. – М.: Наука, 2005. 73 с.
34. Шнирельман В. А. Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта изучения конструирования образов прошлого – ответ моим критикам // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 100–113.
35. Юревич А. В. Звёздный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 113–125

REFERENCES

1. Assman Yan. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. – М.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 s.
2. Afanas'eva A. I., Merkushev V. I. Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoi pamyati rossiyan // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2005. – № 5. – С. 11–22.
3. Berdinskiy V. A. Remeslo istorika v Rossii. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 608 s.
4. Beskov A. A. Problema osveshcheniya temy vostochnoslavynskogo yazychestva v shkol'nom kurse istorii // Prepodavanie istorii v shkole. – 2014. – № 8. – С. 9–15.
5. Boikov V. E., Merkushev V. I. Istoricheskoe soznanie v sovremennom rossiiskom obshchestve: sostoyanie i tendentsii formirovaniya // Sotsiologiya vlasti. – 2003. – № 2. – С. 5–22.
6. Ganelin R. Sh. Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdu soboi. Stranitsy vospominanii o 1940-kh–1970-kh godakh. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriya», 2004. 216 s.
7. Gorkunova O. S. Massovoe istoricheskoe soznanie rossiyan rubezha XX-XXI vv. // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya I. – 2014. – №2 (139). – С. 64–70.
8. Gurevich A. Ya. Istoriya istorika. – М.: ROSSPEN, 2004. 288 s.

9. Gurevich A. Ya. O krizise sovremennoi istoricheskoi nauki // Gurevich A. Ya. Istoriya – neskonchaemyi spor. – M.: RGGU, 2005. 889 s. – S. 427–455.
10. Danilova M. I. Informatsionnaya voina kak real'nost' // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2012. – № 3 (13). – S. 229–231.
11. Denisov Yu. P. Sotsial'nye seti russkoyazychnogo interneta kak istochnik formirovaniya obraza Velikoi Otechestvennoi voyny v sotsial'noi pamyati rossiyan // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 5. Dostup: <http://www.science-education.ru/pdf/2013/5/9922.pdf> (data obrashcheniya: 04.04.2014).
12. Dubov D. V. Kibermogushchestvo kak bazis obespecheniya «tsifrovogo» suvereniteta v sovremennom mire: klyuchevye podkhody // Problemy natsional'noi strategii. – 2014. – № 4. – S. 123–165.
13. Dubina V. S. Boleznennaya tema Vtoroi mirovoi voyny: pamyat' o seksual'nom nasilii po obe storony fronta // Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2011. – № 17. – S. 47–56.
14. Efremov Yu. N. Kalendar', khronologiya i lzhenauka // V zashchitu nauki. Byul. № 2. – M.: Nauka. 2007. – S. 100–113.
15. Zabolotnyi E. B., Kamynin V. D. Istoricheskaya nauka Rossii v kontse XX – nachale XXI veka: Uchebnoe posobie. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. 208 s.
16. Zinov'eva E. S. Tsifrovaya diplomatiya SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoi bezopasnosti // Indeks bezopasnosti. – 2013. – T. 19. – № 1 (104). – S. 213–228.
17. Kapto A. S. Fal'sifikatsiya kak oruzhie antiistorii // Konfliktologiya. – 2012. – T. 3. – S. 38–52.
18. Kolodii N. A. Labirint pamyati – mesta pamyati – voina pamyati: opyt istolkovaniya // Vestnik nauki Sibiri. Seriya: Obshchestvennye nauki. – 2013. – № 1 (7). – S. 240–245.
19. Kuposov N. E. Khvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nykh nauk. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 248 s.
20. Krom M. M. Mezhdistsiplinarnost' i krizis kauzal'nosti v sovremennoi istoricheskoi nauke // «Steny i mosty» – III: istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, RGGU, 25–26 aprelya 2014 g. / G.G. Ershova (otv. red.). – M.: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2015. – S. 41 – 53.
21. Lubskii A. V. Fal'sifikatsiya i fal'sifikatsionizm v istoricheskom poznanii // Kharkivs'kii istoriografichnii zbornik. – 2012. – № 11. – S. 42–52.
22. Merzlyakova G. V., Dan'shina S. A. Formirovanie istoricheskogo soznaniya studencheskoi molodezhi Srednego Povolzh'ya na rubezhe XX–XXI vekov: mezhdistsiplinarnyi analiz // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 2014. – № 1. – S. 100–105.
23. Orlova I. B. Etnizatsiya istoricheskogo znaniya v postsovetskikh gosudarstvakh // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2009. – № 10. – S. 126–135.
24. Posokhov S. I. «Schitayu dlya sebya neprilichnym...»: eticheskie aspekty protsessa zashchity dissertatsii v universitetakh Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vv. // Kharkivs'kii istoriografichnii zbornik. – 2012. – № 11. – S. 131–151.
25. Stanchik S. S. Rol' interneta v sovremennykh perevorotakh // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2012. – № 5. – C. 67–72.
26. Stolyarenko L. D., Stolyarenko V. E., Frolov V. A. Istoricheskoe soznanie rossiiskoi molodezhi: osobennosti i protivorechiya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2013. – № 3. – S. 31–35.
27. Strelova O. Yu. Istoriya v shkole ostaetsya «polem bitvy za proshloe», potomu chto «voyny pamyati» ne utikhayut // Problemy sovremenno obrazovaniya. – 2012. – № 6. – S. 83–98.
28. Surma I. V. Tsifrovaya diplomatiya v diskurse global'noi politiki // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2014. – № 6 (39). – S. 53–60.
29. Tavokin E. P., Tabatadze I. A. K voprosu ob istoricheskoi pamyati o Velikoi Otechestvennoi voine // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2010. – № 5. – S. 62–66.
30. Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov / pod red. A. E. Petrova, V. A. Shnirel'mana. – M.: IA RAN, 2011. 382 s.
31. Fevr L. Boi za istoriyu. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1991. 530 s.
32. Churakov D. O. Uchebnik istorii i «voyny pamyati» na postsovetskom prostranstve // Prepodavatel' XXI vek. – 2013. – T. 1. – № 3. – S. 21–27.
33. Schmidt S. O. «Fenomen Fomenko» v kontekste izucheniya sovremenno obrazovaniya obshchestvennogo istoricheskogo soznaniya. – M.: Nauka, 2005. 73 s.
34. Shnirel'man V. A. Izlechima li bolezn' etnotsentrizma? Iz opyta izucheniya konstruirovaniya obrazov proshlogo – otvet moim kritikam // Politicheskaya kontseptologiya. – 2013. – № 1. – S. 100–113.
35. Yurevich A. V. Zvezdnyi chas gumanitariyev: sotsiogumanitarnaya nauka v sovremennoi Rossii // Voprosy filosofii. – 2003. – № 12. – S. 113–125